

УДК-32:329.17

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-19-33

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ФУНКЦИОНАЛА

П. В. Осколков, А. И. Тэвдой-Бурмули¹

Объектом исследования избран правый популизм в современной Европе. В качестве предмета выступает национализм как структурная характеристика дискурса европейских правопопулистских партий. Авторы рассматривают национализм и правый популизм сквозь призму основных существующих теорий, обосновывают их органическую взаимосвязь, формулируют рабочие определения основных концептов, выделяют три главных группы Чужих правопопулистского дискурса и прослеживают элементы националистической риторики популистских партий в различных субрегионах Европы. Популизм *per se* определяется как стратегия политической борьбы, подразумевающая антиэлитизм, антиплюрализм и самоотождествление с народной волей; однако понимаемый таким образом популизм не самодостаточен в качестве идеологической базы политических объединений, ему необходим некий дополнительный идеологический элемент. Формируемое на базе конструктивистской парадигмы этничности определение национализма как активной лояльности индивида к культурной общности, с которой его в данный момент времени связывают самые прочные идентитарные узы, позволяет увязать националистический феномен с достаточно широким кругом популистских проявлений – от умеренных до радикальных. Использование же дихотомии «эксклюзивного» и «инклюзивного» национализмов вполне доказало свою релевантность для целей выделения конкретно правого популизма. Таким образом, именно национализм отличает правый популизм как некий стратегический и идеологический комплекс от популизма вообще как политической стратегии. В качестве эмпирического материала использованы данные о риторике правопопулистских партий Западной и Восточной Европы в отношении иммигрантов из мусульманских стран, евреев

¹ Осколков Петр Викторович – младший научный сотрудник отдела исследований европейской интеграции, Института Европы РАН; преподаватель кафедры региональных проблем мировой политики, МГУ им. М.В. Ломоносова; аспирант кафедры интеграционных процессов, МГИМО МИД России. E-mail: petroskolkov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-4501-9042. ResearcherID: F-6228-2017).

Тэвдой-Бурмули Александр Изяславович – кандидат политических наук, доцент кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России. E-mail: tevdoy@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2312-4482. ResearcherID: L-6456-2018).

и цыган. Авторы отмечают цивилиционистский характер западно-европейского национализма, анализируют изменения националистической риторики в контексте стремления популистских партий стать частью политического истеблишмента, а также особенности голосования правых популистов по антинационалистическим резолюциям в Европейском парламенте. В итоге авторы приходят к выводу, что националистический маркер позволяет выделить правый популизм среди других разновидностей популизма, а также способствует типологизации и выявлению специфики конкретно-национальных случаев правого популизма.

Ключевые слова: национализм; правый популизм; Чужой; этничность; идентичность.

Вопрос о том, что такое популизм, остаётся спорным, и утверждение о неясности природы данного явления стало общим местом в научных публикациях, ему посвящённых: его рассматривают как идеологию, дискурс, стиль и стратегию [26, 24]. Наиболее известно определение популизма, данное К. Мюдде: «Идеология, которая рассматривает общество однозначно разделённым на две гомогенные и антагонистические группы, “истинный народ” против “коррупцированной элиты”, и которая утверждает, что политика должна быть выражением народной общей воли, *volonté générale*» [15, 543]. Однако мы всё же предпочитаем понимать популизм не как самостоятельную идеологию, а как некий *modus operandi*, стратегию политической борьбы, основанную на противопоставлении элиты остальному населению и обладающую рядом других специфических черт: идеология, на наш взгляд, даже и, в терминологии К. Мюдде, «с разреженным центром» (*thin-centered ideology*), подразумевает наличие более развитой концептуальной основы и конкретной позитивной программы.

Популизм привносит в политику оценочный, субъективный, «моралистский» элемент, играя на эмоциональном восприятии аудитории, а также сводя демократию к её изначальному «полисному» ядру – народному суверенитету [13, 337], конструируя разделение общества на молчаливое большинство и эгоистические элиты [9, 5]. А.С. Романюк добавляет к этим признакам также универсальность программы (не направленной на какую-либо конкретную социальную группу), лидерский тип партии (наряду со слабостью внутривнутрипартийной демократии), гиперболизированную социальную направленность предвыборных обещаний [6, 246]. Я. Ягерс и С. Валgrave утверждают, что «популизм всегда обращается к народу и оправдывает свои действия самоидентификацией с народом; он основывается на антиэлитарных настроениях и рассматривает народ как монолитную группу без внутренних различий, кроме некоторых особых категорий, подлежащих исключению» [13, 322].

На основании вышеизложенных теорий представляется возможным дать следующее определение популизма, из которого мы исходим в данном исследовании: *стратегия политической борьбы, подразумевающая антиэлитизм, антиплюрализм (проявляющийся в представлении о народе как о гомогенной группе и стремлении исключить «нарушителей» гомогенности) и самоотождествление с народной волей.*

Будучи лишь политической стратегией, популизм способен комбинироваться с любыми идеологическими конструктами. П.-А. Тагиефф назвал это «положением Золушки»: популизм изображается этим философом как хрустальная туфелька, которую общество примеряет к той или иной партии/идеологии [20, 101]. В сочетании с национализмом популизм, действующий в партийном поле, как правило, получает прилагательное «правый»: К. Мюдде помещает национализм (в его терминологии суженный до нативизма) среди трёх составляющих «ядра» правого популизма (наряду с популистской стратегией и авторитаризмом) [16, 1173–1175], а Й. Рюдгрэн утверждает, что в деятельности правопопулистских партий националистический аспект важнее популистского [19, 495]. Как отмечает Б. де Клейн, и национализм, и популизм основывают свою риторику на понятии суверенитета народа [12, 312]. К. Пристер считает, что правый популизм делает акцент на исключении определённых групп населения (социально не защищённых, иммигрантов, беженцев, этнических меньшинств) из «гомогенного народа» и закреплении права на политическое и социальное участие лишь для автохтонного населения [18, 3].

Таким образом, определение *правого популизма*, которым мы пользуемся в рамках данного исследования, может выглядеть следующим образом: *комбинация национализма со стратегией политической борьбы, подразумевающей антиэлитизм, антиплюрализм (проявляющийся в представлении о народе как о гомогенной группе и стремлении исключить «нарушителей» гомогенности) и самоотождествление с народной волей.* Учитывая интерес, который проблематика популизма привлекает в последние годы, вполне естественно, что корпус существующих определений популизма вообще и популизма правого и левого – огромен. Однако с нашей точки зрения несомненно, что *главное отличие правого популизма от популизма вообще – наличие в его идеологической базе национализма.*

Постулируя тезис о национализме как одном из неперменных и отличительных элементов правого популизма, следует уточнить нашу интерпретацию этого понятия – ибо слишком часто его трактовки носят, если не взаимоисключающий, то, по крайней мере, не способствующий пониманию эмпирики характер.

Очевидно, что национализм представляет собой некую форму лояльности. И традиционно – с момента попадания данной проблематики в поле зрения

исследователей и до последних десятилетий – объектом лояльности национализма полагалась нация, понимаемая, в полном соответствии с современным дискурсом, как культурно гомогенное территориально-политическое сообщество. Можно согласиться с точкой зрения Э. Смита, охарактеризовавшего концепт современной нации как «веру в возможность существования политической нации с гомогенной национальной идентичностью» [8, 23]. Л. Снайдер, солидаризуясь с Х. Коном, еще в 1960-е гг. интерпретирует национализм как «идеологию, рассматривающую Nation-State в качестве наивысшего объекта лояльности индивидуума» [22, 2], а современный отечественный исследователь В. Малахов определяет национализм как «политическую идеологию, в которой "нация", понимаемая в качестве культурно гомогенного сообщества, выступает источником суверенитета, преимущественным объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти» [3, 39]. Вспомним также определение национализма у К. Мюдде («политическая доктрина, провозглашающая конгруэнтность политической единицы, государства, и единицы культурной, нации») [17] или точку зрения Д. Конверси [11, 75].

Недостаток этого в целом продуктивного подхода – в чересчур узком толковании проблемы политических целей национализма. Образование национального государства – при всем расплывчатом характере этого термина – не исчерпывает националистическую повестку дня, что убедительно доказывается всей новейшей историей.

Да и само понятие современной нации, “Nation-State”, применительно к феноменологии национализма выглядит весьма неконкретно. Даже социумы, традиционно причисляемые к этой категории, по-разному определяют критерии принадлежности к соответствующей национальной общности. Достаточно указать на случаи Франции, Германии, США, чтобы понять, что лояльность французскому, немецкому, американскому национальным проектам – а следовательно, и мотивация национализма в каждом из этих случаев – зиждется на принципиально разных основаниях. Если же взглянуть еще ближе – на современный российский опыт национального строительства – то тут мы можем видеть одновременно, как минимум, три конкурирующих версии национального проекта: 1) конституционно закрепленный проект российской мультиэтнической гражданской нации, 2) внезапно актуализировавшийся в последнее десятилетие проект квазиимперской цивилизационной нации (т.н. «русский мир») и 3) бытующий в качестве маргинального с 1990-х гг. проект «Россия для русских», основывающийся на социобиологическом понимании нации. Адепт «русского мира» (например, воюющий на Донбассе чеченец или бурят) не будет восприниматься в качестве со-члена русской нации адептами проекта №3 – между тем лояльность обоих принадлежит русской нации в том или ином ее понимании.

В итоге с последней трети XX в. концепт нации как ядра националистической лояльности начинает деконструироваться – и вслед за ним деконструируется и классическая интерпретация национализма, поскольку к этому времени стало очевидно, что отнюдь не все эксцессы, традиционно понимаемые как националистические, мотивируются лояльностью к нации в ее классическом понимании. Националистическая активность может быть направлена и внутрь Nation-State, против индивидуумов и групп, не обособленных территориально-политически. Как, например, следует интерпретировать с точки зрения классического модерного подхода к пониманию нации совместные «интернациональные» акции европейских правых экстремистов - немцев, поляков, французов, фламандцев – против иммигрантов-неевропейцев? В интересах какой нации гражданин Франции арабского происхождения совершает теракт против граждан Франции еврейского происхождения?

Важным элементом модернизации теоретического базиса данной проблематики стал ввод в научный оборот понятия самоидентификации индивидуума - что позволило дифференцировать социокультурный и политический компоненты национализма и расширить таким образом поле для анализа его внутренней динамики. С последней трети XX в. в аналитическом фокусе находится социокультурная общность определенного уровня (этничность), формируемая на основе осознаваемой общности происхождения и исторической судьбы. И хотя примордиалисты, инструменталисты и конструктивисты расходятся в понимании природы и степени устойчивости этничности, наиболее важным в данном случае представляется то, в чем представители этих базовых подходов сходятся: этничность – самоидентификационный феномен, субъективно переживаемый индивидом.

Национализм же определяется в этом случае, прежде всего, как идея обретения общностью, к которой относит себя индивид, адекватного политического статуса. Воплощение такого подхода – определение национализма Э. Геллнером: «Национализм – теория политической законности, которая со-стоит в том, что этнические границы не должны пересекаться с политически-ми» [2, 24].

Постулирование этничности как субъективного ощущения принадлежности к группе, объединенной социокультурной общностью и общностью исторической судьбы, позволяет оторвать национализм от проблематики Nation-State и предположить возможность наличия националистической мотивации на всех уровнях, где может возникнуть этническая самоидентификация индивида – субнациональном локальном, наднациональном цивилизационном, аспатиальных (не привязанных к территориальному фактору), конфессиональном или расовом уровнях идентификации. Поэтому в рамках одного и того же суверенного национального пространства мы можем встретить адептов самых разных «наций». И если традиционно были наиболее эмпирически очевидны два уров-

ня бытования национализма – национализм государствообразующей (титульной) группы и национализм этнического меньшинства – то сегодняшняя реальность позволяет усматривать некоторые признаки националистической активности и на наднациональном уровне: от имени европейской цивилизации говорят сегодня правые популисты, от имени Европейского союза – брюссельские политики, от имени исламской уммы – радикальные исламисты.

Помимо стремления политически оформить культурную общность, другим *важным признаком национализма является активность этого стремления*. Еще в 1960-х гг. появляется определение национализма как «активной солидарности группы, полагающей себя нацией и стремящейся к образованию государства» [21].

Это замечание представляется крайне важным. Индивид должен не только ощущать себя представителем определенной этничности – он должен предпринимать активные усилия для ее институализации путем политического действия. Иными словами, человек, просто чувствующий себя немцем, курдом или шотландцем, националистом не является. Он станет таковым только в том случае, если станет действовать в духе защиты и развития разделяемой им этничности.

Наконец, исследователи спорят о *природе национализма*. Является ли национализм исключительно идеологией? Может ли существовать национализм в идеологически не артикулированной форме?

С одной стороны, национализм как феномен, очевидно, содержит в себе признаки идеологии как комплекса осознанных взглядов. С другой стороны – некоторые проявления однозначно националистической активности обходятся без артикулированного и осознанного идейного компонента – зачастую уличная экстремистская агрессия мотивируется не столько рациональными умозаключениями, сколько чувством (т.н. «бытовой национализм» [5, 62–63]).

Компромиссное решение предлагает Э. Смит, настаивая на двойственности природы национализма, способного выступать как в форме идеологии, так и ощущения (эмоции) [7, 254]. По Смицу, национализм-ощущение существует на донациональном уровне в качестве эмоций активной групповой идентичности (этно)культурной группы, в то время как феномен национализма как идеологии возникает уже в Новое время (XVII–XVIII вв.) и самым прямым образом связан с процессом формирования в Европе первых национальных государств.

Таким образом, рабочее определение национализма лежит, с нашей точки зрения, на пересечении нескольких подходов:

- 1) концепции национализма как политического оформления культурной общности;
- 2) признания национализма "активной солидарностью группы";
- 3) тезиса о двойственности природы национализма (идеология / ощущение).

Национализм в этом случае определяется как осознание индивидом - на концептуальном либо иррациональном уровне - принадлежности к определенной этничности и стремление сохранить имеющуюся идентичность посредством создания для этого необходимых политических, социально-экономических и иных условий. Иначе говоря, национализм – это активная лояльность индивида к культурной общности, с которой его в данный момент времени связывают самые прочные идентитарные узы.

Выражаться же эта лояльность будет ситуативно – в зависимости от природы общности, ее статуса и наличествующих вызовов, находя воплощение в конкретных амбициях, имеющих отношение к статусу данной группы.

Предлагаемое определение национализма задает довольно широкие рамки феномена и позволяет рассматривать в качестве националистического, в частности, и тот дискурс, который характерен для умеренных приверженцев современного Nation-State и определяется современными социологами¹ преимущественно как национализм «политический», «гражданский», либо «либеральный»². Например, под это определение подпадает реакция современного европейца – отнюдь не радикала – на чрезмерное расширение полномочий наднациональных интеграционных структур в ущерб структурам национально-государственным, либо на попытки части мигрантов укоренить в либеральных европейских странах нелиберальные социокультурные практики страны происхождения мигранта. Апеллирующий к идее Nation-State либеральный дискурс в строгом смысле слова следует полагать националистическим - однако, безусловно, он сильно отличается от дискурса радикально-националистического, являющегося «классическим» объектом для исследований национализма.

Как правило, их различают либо по оси «гражданский-этнический» (что восходит еще к традиции эпохи Просвещения понимать национализм как некое преодоление узкоэтнических «племенных» лояльностей)³ – либо по оси «инклюзивный – эксклюзивный»⁴. Эксклюзивный («этнический», «племенной») национализм построен на логике исключения из рамок данной этничности чужеродных элементов, объявленных чужими согласно некоему набору признаков. Инк-

1 Именно об этом виде национализма говорил Х. Кон применительно к западному обществу; об этом же говорят, в частности, такие исследователи, как Ю. Хабермас, Д. Шнаппер, Л. Гринфелд.

2 См., напр., Малинова О. Проблемы национальной идентичности и национальных прав в либеральной политической теории // Политическая наука. 2002. №4. С. 74–99.

3 Cf. Kohn H. The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background. N. Y.: Macmillan, 1951; Eriksen Th. Ethnicity versus Nationalism // Journal of Peace Research. 1991. Vol.28. No. 3. P. 263–278.

4 Cf. Zayn S. Inclusive vs. Exclusive Linguistic Nationalism: Comparing Zionist and Turkish Nationalist Language Policies // Undergraduate Journal of Humanistic Studies. 2017. Vol. 5. P. 1–13; Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

люзивный («гражданский», «политический») национализм не исключает Чужого, но создает рамку для его включения в состав группы (нации, этничности).

Стоит заметить, впрочем, что непреодолимого барьера между моделями инклюзивного и эксклюзивного национализмов нет. Даже инклюзивные/гражданские/либеральные националисты исходят из того, что для включения в состав группы Чужой должен перестать быть Чужим – например, должен принять политические и культурные ценности принимающего общества. Но когда Чужой перестает быть Чужим, против его присутствия в группе перестанут возражать и адепты эксклюзивного национализма. Например, в принявшем ислам уроженце современной Европы бойцы ИГИЛ будут видеть своего собрата, а ветеран французской армии-мусульманин будет восприниматься сторонниками Национального фронта как истинный француз, проливавший кровь за республиканские идеалы.

Таким образом, дихотомию национализмов «этнического/ гражданского» или «эксклюзивного/инклюзивного» можно уподобить, с известными оговорками, дихотомии «аверса/реверса» одной и той же монеты.

Очевидно, впрочем, что для целей анализа правого популизма дихотомия «эксклюзивного/инклюзивного» национализмов свою эвристическую ценность все же сохраняет: интенция исключения, изгнания Чужого за рамки своей этничности у правых популистов, безусловно, доминирует над интенцией инкорпорации/ассимиляции.

Традиционно выделяется несколько виктимных групп, становящихся объектом националистического эксклюзивизма: это евреи, цыгане и инокультурные иммигранты (преимущественно из мусульманских стран). Конечно, в каждой стране есть своя специфика: в Болгарии сюда прибавляется турецкое меньшинство, в Словакии – венгерское и т.д., но данные три группы универсальны; в частности, именно на их примере рассматривает европейский национализм британский социолог Р. Водак [1, 60], а также специалисты исследовательского центра Пью. По данным упомянутого центра, в 2016 г. 48 % населения Европы негативно относилось к цыганам, 43 % – к мусульманам, 16 % – к евреям [27, 10].

Национализм правопопулистских партий проявляется в речах партийных функционеров, в партийных манифестах, в наглядной агитации. Характерны, например, антисемитские, антицыганские и антимульманские высказывания Кристины Морваи, депутата Европарламента от партии «Йоббик» и кандидата в президенты Венгрии.

Большинство правопопулистских партий Западной, а теперь, в контексте иммиграционного кризиса ЕС, и Восточной Европы использует в своей агитации негативный образ иммиграции и иммигрантов из мусульманских стран. Причём в большей степени это характерно для западно-европейских правых

популистов, чей национализм носит, в первую очередь, не этнический, а цивилизационистский характер [10, 1191]. При этом *othering*'у подвергаются не конкретные этнические группы, а в целом мусульманское иммигрантское сообщество, предстающее как антипод завоеваний иудео-христианской западно-европейской культуры. Активно используется термин «исламизация», образы мечети, бурки и других элементов мусульманского быта. Широкую известность получила агитационная кампания с использованием образа чёрной овцы, изгоняемой стадом белых овец после совершения деликта: первоначально использовавшийся Швейцарской народной партией запоминающийся образ был перенят также Австрийской партией свободы. Характерны лозунги, используемые партией «Альтернатива для Германии»: «Бурка? Мы лучше выпьем бургундского» (*Burka? Ich steh mehr auf Burgunder*), «Бурка? Мы предпочитаем бикини» (*Burkas? Wir steh'n mehr auf Bikinis*), «Ислам? Не подходит к нашей кухне» (*Der Islam? Passt nicht zu unserer Küche*) (на последнем плакате был изображён поросёнок). Французский «Национальный фронт» (с 1 июня 2018 г. – «Национальное объединение») также использует в агитации образы стран происхождения иммигрантов; пример – плакат, изображающий карту Франции в цветах алжирского флага, с лозунгом «Чтобы остановить это, голосуй за НФ».

Антисемитизм в современном правопопулистском дискурсе встречается гораздо реже. Американский историк Тони Джадт отметил, что «признание Холокоста – это входной билет в Европу» [14, 803], понимая Европу не как совокупность государств и институтов, а как определённую культурную целостность. Те правопопулистские партии, которые начали свою деятельность в 70-е и 80-е гг. прошлого века (а это, разумеется, западно-европейские партии), изначально не ставили цели вхождения в истеблишмент: целью деятельности таких движений и партий был протест ради протеста, и символом этой эпохи существования правых популистов может стать фигура Жана-Мари Ле Пена, пламенного борца не только с мусульманскими иммигрантами и «продавшей Алжир» элитой, но и с еврейской общиной, а также радикальные ответвления «Фламандского блока». Свои примеры есть практически в каждой стране Западной Европы. Но начиная с 1990-х гг. приоритеты указанных партий изменились, и главной целью стало вхождение в законодательную и исполнительную власть: партии окончательно превратились из *радикальных* в *популистские* (как это сформулировал П.-А. Тагиефф, популисты, в отличие от радикалов, стремятся трансформировать существующий политический порядок, не меняя политическую систему [24, 92]). Для этого было необходимо получить упомянутый «входной билет» и смыть память об антисемитизме: в случае «Национального фронта» это воплотилось в «де-демонизации» (*dédiabolisation*), которая в конечном счёте привела к разрыву нового партийного руководства с Ж.-М. Ле Пенем и исключению из партии её основателя, в случае «Фламандского блока»

– в налаживании контактов с еврейской общиной Антверпена как раз на основе антиисламского дискурса. Относительно новым партиям, таким как «Новый фламандский альянс» или нидерландская «Партия свободы», не нужно было менять курс: они изначально заняли либо нейтральную позицию по вновь актуализировавшемуся «еврейскому вопросу», либо, как «Партия свободы», подняли знамя филосемитизма (показателен пример лидера партии Г. Вилдерса, который в юности жил в Израиле и регулярно посещает эту страну в настоящее время).

Чрезвычайно интересно переплетение роста значения антимусульманской риторики и спада риторики антисемитской. Осторожное примирение правых популистов с еврейскими общинами Западной Европы стало возможным отчасти благодаря риторике самих мусульманских общин: в абсолютном большинстве общинные лидеры поддержали интифаду и общий антиизраильский уклон западно-европейской политики, не разграничивая «сионистов» и евреев, живущих на их новой родине. Антисионизм превратился в «новый антисемитизм», «антисемитизм 2.0», и большинство антисемитских акций, произошедших, к примеру, во Франции и Бельгии за последние несколько лет, было совершено именно выходцами из мусульманской общины. Правые популисты, жаждущие смыть с себя антисемитскую стигму, воспользовались моментом и объединили антимусульманскую риторику с филосемитской: показателен пример «Фламандского блока», члены которого в разгар второй интифады взяли патрулировать еврейский квартал Антверпена [4]. С филосемитскими заявлениями выступала и Марин Ле Пен; впрочем, ей для демонстрации лояльности было достаточно просто отмежеваться от провокационных заявлений своего отца.

Тем не менее, стоит проявлять определённую осторожность в оценке нового филосемитизма западно-европейских правых популистов. Во-первых, как справедливо замечает П.-А. Тагиефф, если руководство партии выступает с проеврейской и произраильской риторикой, это совершенно не означает, что эти идеи разделяет партийный электорат [24, 120–121]. Во-вторых, часто «дедemonизация» становится косметической мерой, которая касается только партийного руководства; показательны недавние скандалы, связанные с заявлениями и поступками отдельных членов Австрийской партии свободы. К примеру, два советника АПС в коммуне Зубен оказались среди группы, распространявшей в мессенджере WhatsApp цитаты и фотографии А. Гитлера; кандидат от АПС на выборах в Нижней Австрии У. Ландбауэр оказался непосредственно причастен к выпуску песенника студенческой корпорации, содержащего призывы к уничтожению еврейства [23].

Для восточно-европейских правых не характерна подобная щепетильность в «еврейском вопросе», что связано с иной политической культурой, подразумевающей большее, чем у западноевропейских политиков, стремление к экс-

клюдии. По наблюдению В. Тисмэняну, регион ЦВЕ в силу его исторического наследия можно причислить к «культуре конфликта»: «эти общества избавились от старых авторитарных институтов, но остались заложниками памяти, страхов и неврозов» [25, 36]. И если ставшие правящими правопопулистские партии «Право и справедливость» в Польше и «Фидес» в Венгрии избегают антисемитских заявлений, сконцентрировавшись на разрешении институциональных препятствий к установлению авторитарного руководства в соответствующих странах, то более маргинализированным партиям «Йоббик», «Лига польских семей», «Великая Румыния», а также прочно удерживающей свои электоральные позиции болгарской «Атаке», свойственна ярко выраженная антисемитская риторика, направленная на привлечение консервативного католического (в случае Болгарии – православного) электората.

Вопрос эксклюзии цыганских групп рома и синти не привлекает такого внимания, хотя не менее актуален. Компактное цыганское меньшинство присутствует практически в каждой европейской стране, но соответствующий дискурс характерен прежде всего для Восточной Европы, где цыганские общины традиционно более активны и многочисленны. Как правило, антицыганский дискурс проявляется наряду с антисемитским; как отмечает Р. Водак, цыгане «были и остаются самой уязвимой группой в Европе» [1, 345]. Синти и рома сталкиваются с социальной стигматизацией (представители титульных наций относятся к ним как к преступникам и иждивенцам), сегрегацией в системе школьного образования (в Словакии, Венгрии, Болгарии, Чехии), периодическими погромами цыганских посёлков и иногда даже массовыми депортациями (из Германии в 2005 г., из Франции в 2010 г.). Подобные общественные настроения используют в своём дискурсе правопопулистские партии, преимущественно восточно-европейские: антицыганизм является существенной частью риторики «Йоббика», «Атаки», «Народной партии – наша Словакия» М. Котлебы.

Необходимо отметить, что при голосовании в Европейском парламенте по соответствующим резолюциям евродепутаты от правопопулистских партий в очередной раз продемонстрировали внешнее неприятие антисемитизма и лояльность к антицыганизму: по резолюции о борьбе с антисемитизмом от 1 июня 2017 г. проголосовало положительно абсолютное большинство правоконсервативных фракций ЕП «Европейские консерваторы и реформисты», «Европа за свободу и прямую демократию» и «Европа наций и свобод»; при голосовании 25 октября 2017 г. по резолюции «Аспекты фундаментальных прав в отношении интеграции цыган в ЕС: борьба с антицыганизмом» большинство депутатов этих фракций воздержалось¹.

¹По данным статистического сайта VoteWatch.eu.

Подытоживая, хотелось бы ещё раз остановиться на нескольких моментах. Правый популизм отличается от *популизма вообще*, прежде всего, наличием в его идеологической базе национализма; таким образом, правый популизм можно определить как комбинацию *национализма со стратегией политической борьбы, подразумевающей антиэлитизм, антиплюрализм и самоотожествление с народной волей*. При этом национализм необходимо понимать как активную лояльность индивида к культурной общности, с которой его связывают идентитарные узы; лояльность, подразумевающую идею обретения этой общностью адекватного (по мнению индивида) политического статуса, для чего необходимо, в том числе, исключение Чужого за рамки своей этничности. Такими Чужими для современных европейских правых популистов являются, чаще всего, евреи, цыгане и инокультурные иммигранты, что очевидно из агитационных материалов, партийных программ и манифестов, речей партийных деятелей.

Негативный образ инокультурной, прежде всего мусульманской, иммиграции, мусульманского быта чаще используют правопопулистские партии Западной Европы (где национализм обычно носит не столько этнический, сколько цивилизационистский характер). Антисемитизм у западно-европейских правых встречается гораздо реже, так как в этом субрегионе признание Холокоста и пагубности юдофобии необходимо для вхождения в истеблишмент (а именно подобное стремление, в том числе, отличает популистов от радикалов). Евреи также часто выступают тактическими «союзниками» в дискурсивной борьбе с мусульманскими иммигрантами. (Впрочем, не стоит спешить с оценкой дискурса современных западно-европейских правых как филосемитского; часто подобная риторика характерна только для руководства партий, а не для рядовых членов и избирателей). В Восточной Европе, обладающей иной политической культурой, антисемитизм в правопопулистской риторике встречается гораздо чаще. Во всех условных субрегионах Европы в правопопулистском дискурсе встречаются антицыганские послы, что связано с определённой социальной стигматизацией синти и рома.

Таким образом, национализм является неременной структурной характеристикой правопопулистского дискурса – причем конкретные формы проявления националистической интенции обуславливаются национальными и региональными особенностями соответствующего правопопулистского феномена. Националистический маркер, во-первых, с одной стороны, позволяет выделить правый популизм среди других разновидностей популизма. Во-вторых, он выполняет важную аналитическую функцию, способствуя типологизации и выявлению специфики конкретно-национальных случаев правого популизма.

Библиографический список

1. *Водак Р.* Политика страха: что значит дискурс правых популистов? / пер. Е.Н. Кочергина, О.В. Гритчина. Харьков: Гуманитарный Центр, 2018. [Wodak R. Politika strakha: chto znachit diskurs pravvykh populistov? [The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. Transl. by E.N. Kochergina, O.V. Gritchina. Kharkiv: Gumanitarny Tsentr Publ., 2018].
2. *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. М. Тюнькина. М.: Прогресс, 1991. [Gellner E. Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism. Transl. by M.M. Tyun'kina. Moscow: Progress Publ., 1991].
3. *Малахов В.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. [Malakhov V. Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya [Nationalism as a Political Ideology. Moscow: KDU Publ., 2005].
4. *Морозов А.* Конец бельгийской лаборатории? // Дело. 2006. 7 нояб. [Morozov A. Konets bel'gijskoj laboratorii? [The End of the Belgian Laboratory? // The Case. 2006. November 07]. Available at: <http://www.idelo.ru/440/16.html>.
5. *Поздняков Э.А.* Нация. Национализм. Политика // Национализм: теория и практика. М., 1994. [Pozdnyakov E.A. Natsiya. Natsionalizm. Politika // Natsionalizm: teoriya i praktika [Nation. Nationalism. Politics // Nationalism: Theory and Practice. Moscow, 1994].
6. *Романюк А.* Популізм і розвиток партійної системи в Україні // Партійна система сучасної України: еволюція, тенденції та перспективи розвитку: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 24-25 листопада 2011 р. Київ, 2012. [Romanyuk A. Populizm i rozvytok partiinoi systemy v Ukraini // Partiina systema suchasnoi Ukrainy: evolyutsiya, tendentsii ta perspektivny rozvytku: materialy mizhnarodnoi naukovo-praktychnoi konferentsii, 24-25 lystopada 2011 r. [Romanyuk A. Populism and Development of the Ukrainian Party System // Party System of Contemporary Ukraine: Evolution, Tendencies and Prospects. Collection of papers of international scientific-practical conference, November 24-25, 2011. Kiev, 2012].
7. *Смит Э.* Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. [Smith A. Natsionalizm i istoriki // Natsii i natsionalizm [Nationalism and Historians // Nations and Nationalism. Moscow, 2002].
8. *Смит Э.* Национализм и модернизм / пер. А. Смирнова, Ю. Филиппова, Э. Загашвили, И. Окунева. М.: Праксис, 2004. [Smith A. Natsionalizm i modernism [Nationalism and Modernism. Transl. by A. Smirnov, Yu. Filippov, E. Zagashvili, I. Okuneva. Moscow: Praksis Publ., 2004].
9. *Betz H.-G.* Rechtspopulismus: Ein internationaler Trend? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1998. No. 9-10. P. 3–12
10. *Brubaker R.* Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective // Ethnic and Racial Studies. 2017. Vol. 40. No. 8. P. 1191–1226.

11. *Conversi D.* Reassessing Current Theories of Nationalism: Nationalism as Boundary Maintenance and Creation // *Nationalism and Ethnic Politics*. 1995. Vol. 1. No. 1. P. 73–85.
12. *De Cleen B.* Populism and Nationalism // *The Oxford Handbook of Populism*. Oxford, 2017.
13. *Jagers J., Walgrave S.* Populism as Political Communication Style: An Empirical Study of Political Parties' Discourse in Belgium // *European Journal of Political Research*. 2007. Vol. 46. No. 3. P. 319–345.
14. *Judt T.* *Postwar: A History of Europe Since 1945*. NYC: Penguin Press, 2005.
15. *Mudde C.* The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. No. 39 (4). P. 541–563.
16. *Mudde C.* The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy // *West European Politics*. 2010. Vol. 33. No. 6. P. 1167–1186.
17. *Mudde C.* Right-Wing Extremism Analyzed // *European Journal of Political Research*. 1995. Vol. 27. No. 2. P. 203–224.
18. *Priester K.* Wesensmerkmale des Populismus // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2012. No. 5–6. P. 3–9.
19. *Rydgren J.* Radical right-wing parties in Europe. What's populism got to do with it? // *Journal of Language and Politics*. 2017. Vol. 16. No. 4. P. 485–496.
20. *Simeoni M.* *A Morbid Democracy: Old and New Populisms*. Brussels: Presses Interuniversitaires Européennes, 2014.
21. *Simmons-Simonovich K.* Nationalist Movements: an Attempt at a Comparative Typology// *Comparative Studies in Society and History*. 1965. Vol. 7. No. 2. P. 221–230.
22. *Snyder L.* *The New Nationalism*. New Jersey: Transaction Publishers, 2009.
23. *Strickland P.* Is Austria's far-right FPO losing support amid Nazi scandals? // *Al Jazeera*. 2018. April 2. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2018/03/austria-fpo-losing-support-nazi-scandals-180331101800263.html>.
24. *Taguieff P.-A.* *La revanche du nationalisme*. Paris: PUF, 2015.
25. *Tismaneanu V.* *Fantasies of Salvation: Democracy, Nationalism, and Myth in Post-Communist Europe*. Princeton: Princeton University Press, 2009.
26. *Vossen K.* Populism in the Netherlands after Fortuyn: Rita Verdonk and Geert Wilders Compared // *Perspectives on European Politics and Society*. 2010. Vol. 11. No. 1. P. 22–38.
27. *Wike R., Stokes B., Simmons K.* *Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs*. Washington: Pew Research Center, 2016.

**EUROPEAN RIGHT-WING POPULISM AND NATIONALISM:
REVISITING THE CORRELATION OF FEATURES**

P. V. Oskolkov

Junior Research Fellow, Department of European Integration Studies, Institute of Europe of RAS; Lecturer, Department of Regional Problems of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Postgraduate Student, Department for Integration Studies, MGIMO University

A. I. Tevdoy-Burmuli

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department for Integration Studies, MGIMO University

The paper examines right-wing populism in contemporary Europe, focusing on nationalism as a structural feature of the discourse of European right-wing populist parties. Nationalism and right-wing populism are analyzed in the light of the most important existing theories. The authors prove the existence of an organic interconnection between nationalism and right-wing populism, define the basic concepts, distinguish three key groups of the right-wing populist “Others”, and trace the nationalist rhetoric elements in the discourse of populist parties in different European sub-regions. Populism per se is defined as a strategy of political struggle which involves anti-elitism, anti-pluralism and self-identification with people’s will. However, populism understood this way is not sufficient enough to form the ideological base of political entities; it lacks some additional ideological element. The definition of nationalism as active loyalty of a person to the cultural community he or she is now connected with by most solid identity ties, based on the constructivist ethnicity paradigm, makes it possible to connect the nationalist phenomenon with a wide range of populist manifestations, from moderate to radical ones. The use of the dichotomy of “exclusive” and “inclusive” nationalisms proved its relevance for the purposes of singling out right-wing populism. Thus, it is nationalism that distinguishes right-wing populism as a strategic and ideological complexity from populism per se as a mere political strategy. The empirics used in the article include data on the rhetoric of right-wing populist parties concerning immigrants with a Muslim background, Jews, Roma and Sinti. The authors point to the civilizational nature of nationalism in Western Europe, analyze changes in nationalist rhetoric in a moment when a populist party tries to become a part of the establishment, and how right-wing populists vote in the European Parliament when the anti-nationalist resolutions are discussed. The authors conclude that a nationalist marker enables researchers to distinguish right-wing populism from other forms of populism and contributes to categorizing and revealing the particularities of national right-wing populism models.

Keywords: nationalism; right-wing populism; the Other; ethnicity; identity.